

Ярзуткина Анастасия Алексеевна

КАЗАКИ НА ЧУКОТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ИХ РОЛЬ В ТОРГОВЛЕ: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья представляет собой историко-антропологическое исследование микрогрупп казаков, проживавших в различных местах Чукотского полуострова в конце XIX - начале XX века. Реконструируются отдельные особенности жизни и быта казаков, состоявших на временной службе на полуострове, и представителей казачьего сословия, постоянно проживавших на Чукотке и культурно интегрированных в местное сообщество. Также анализируется экономическое поведение чукотских казаков и оценивается их роль в торговых взаимоотношениях с коренным населением. Делается вывод о том, что особые условия крайнего Северо-Востока, в том числе необходимость использования культурно-хозяйственного опыта арктических народов для выживания в суровых условиях, повлияли на трансформацию их экономического поведения и явились одной из причин вовлечения казаков в торговлю.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 218-224. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. **Об образовании** [Электронный ресурс]: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. **Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее?** / Обществ. палата Российской Федерации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 98 с.
7. **Панкрухин А. П.** Маркетинг образовательных услуг в высшем и дополнительном образовании [Электронный ресурс]: учеб. пособие. URL: <http://mou.marketologi.ru/content.html> (дата обращения: 21.07.2012).
8. **Пастухова Е. Я.** Региональная социально-экономическая поддержка высшей школы Кемеровской области // Университетское управление: практика и анализ. Екатеринбург, 2007. № 5. С. 32-35.
9. **Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года** // Коммерсант. 2010. 12 мая.
10. **ТГУ им. Г. Р. Державина стал победителем конкурса в рамках нацпроекта «Образование»** [Электронный ресурс]. URL: <http://national.inur.ru/index.php?id=1251> (дата обращения: 15.07.2012).
11. **Третьяков В. Е.** О региональной роли университетов // Университетское управление: практика и анализ. Екатеринбург, 2000. № 2 (13). С. 5-6.
12. **Шестакова О. В.** Информационный лоббизм как особый тип информационных связей // Власть. 2008. № 11. С. 98-101.
13. **Шестакова О. В.** Информационный лоббизм: проблемы теоретической концептуализации и практики: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008. 176 с.

TRANSFORMATION OF EDUCATION POLICY AND LOBBYISM TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION SPHERE

Irina Anatol'evna Yurina
Department of Public Relations
Tambov State Technical University
irina.yurina68@gmail.com

The author reveals the main stages of education policy transformation in modern Russia, the factors influencing this process, as well as the problem of lobbyism in the sphere of education, and tells about the methods of lobbyism in higher education that to a greater degree is a corporative one, and about the reasons and conditions that influence the nature of this phenomenon.

Key words and phrases: lobbyism; higher education; education policy; regional political process; corporative lobbyism; informational lobbyism.

УДК 572.9:339.162(571.651)

Исторические науки и археология

Статья представляет собой историко-антропологическое исследование микрогрупп казаков, проживавших в различных местах Чукотского полуострова в конце XIX – начале XX века. Реконструируются отдельные особенности жизни и быта казаков, состоявших на временной службе на полуострове, и представителей казачьего сословия, постоянно проживавших на Чукотке и культурно интегрированных в местное сообщество. Также анализируется экономическое поведение чукотских казаков и оценивается их роль в торговых взаимоотношениях с коренным населением. Делается вывод о том, что особые условия крайнего Северо-Востока, в том числе необходимость использования культурно-хозяйственного опыта арктических народов для выживания в суровых условиях, повлияли на трансформацию их экономического поведения и явились одной из причин вовлечения казаков в торговлю.

Ключевые слова и фразы: историческая антропология; казаки; Чукотский полуостров; торговые взаимоотношения; экономика микрогрупп.

Анастасия Алексеевна Ярзуткина, к.и.н.
Лаборатория комплексного изучения Чукотки
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
Дальневосточное отделение Российской академии наук
jarzut@mail.ru

КАЗАКИ НА ЧУКОТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ИХ РОЛЬ В ТОРГОВЛЕ: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ®

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Торговые отношения американцев и русских с коренным населением Чукотки в конце XIX – первой четверти XX века: экономико-этнографический аспект», проект № 11-31-00325a2.

Как было отмечено в резолюции конференции «Роль казачества в присоединении и освоении восточных районов Российского государства», проходившей в 1991 году, казачество внесло огромный вклад в развитие

Российского государства, в формирование Азиатской России. Казаки были первыми русскими людьми, которые осваивали территорию, строили города и селения, охраняли российские границы от внешней угрозы.

Чукотский полуостров также обязан своим освоением казакам. В 1649 году Семеном Дежневым был основан Анадырский острог, надолго ставший самым восточным российским поселением казаков, принимавших самое непосредственное участие в войнах с чукчами. После уничтожения к 70-м годам XVIII века Анадырского острога большинство казаков были переселены. Потомки же тех, кто остался и осел, составили часть населения наиболее крупных поселений по реке Анадырь [3; 12].

В XIX веке казаки Якутского казачьего полка были распределены по населенным пунктам северо-востока России, в том числе несли службу в поселениях на западе Чукотки. Восточная же часть – побережье – вплоть до конца XIX – начала XX века оставалась вне воинской (караульной) и полицейской охраны казаков.

Из-за относительной немногочисленности казаков, пребывающих на Чукотском полуострове, эта группа оказалась малоизученной. Вместе с тем исследование чукотского казачества даже на микроуровне позволит не только заполнить имеющийся исторический пробел, но и представить пример социальной, культурной и экономической адаптации этой этносоциальной и сословной группы в наиболее экстремальных природно-климатических условиях и в окружении специфической культуры народов арктической зоны.

В конце XIX – начале XX века на Чукотском полуострове достаточно активно развивалась торговля. В торговые взаимоотношения было втянуто практически все население полуострова. Самые разные представители чукотского общества, в том числе и казаки, выступали в роли продавцов, покупателей либо торговых посредников в пушной торговле. Для одних торговля была способом получения прибыли, для других это был социальный и культурный процесс – способ поддержания дружеских и родственных связей, для третьих торговля являлась органичной и неотъемлемой частью хозяйственной жизни и способом выжить в суровых климатических условиях Крайнего Севера. Включенность казаков в торгово-обменные отношения во многом зависела от местных условий, в которых эти отношения развивались, и уровня развития торговли.

Основываясь на имеющейся в источниках информации о казаках, проживающих на Чукотском полуострове в конце XIX – начале XX века, в том числе содержащейся в отчетах должностных лиц, воспоминаниях путешественников, материалах ученых, исследовавших Чукотку в этот период, попробуем провести историко-антропологическое исследование микрогруппы казаков Чукотского полуострова и проследить роль представителей этой микрогруппы в торговых взаимоотношениях с населением крайнего северо-востока.

Географически казаки были размещены в поселениях по рекам Анадырь, Анюй, Колыма, а также на постах по побережью Чукотского полуострова. В разных местах Чукотки они представляли как военно-государственный служилый элемент, так и часть местного населения. Старожилы – потомки русских казаков, в разное время переселившиеся из центральных районов страны в составе казачьих войск и живущие в этой местности как минимум во втором поколении, были компактно расселены на западе Чукотки и в п. Марково. Здесь, а также на востоке – посту Ново-Мариинском и постах в заливе Дежнева, заливе Лаврентия и бухте Провидения – проживали представители казачьего войска, прибывшие временно для несения службы.

Со времени основания первым окружным начальником, доктором Л. Ф. Гриневецким, в 1889 году поста Ново-Мариинск здесь постоянно несли службу 8-10 казаков Камчатской казачьей команды [13, с. 189; 17, д. 651, л. 27]. А. В. Олсуфьев в 1892 году так описывал этих «первых» казаков: *«Неся при окружном начальнике одну полицейскую службу, они совершенно не знакомы ни с военными порядками, ни с дисциплиной. Однообразной формы одежды или какого бы то ни было вооружения не существует... Пьянство, картежная игра, полная распущенность нравов... – обыкновенные явления в казачьей жизни...»* [15, с. 166]. Через пять лет А. П. Сильницкий, писал о казаках, служащих на посту при окружном начальнике Н. Л. Гондатти: *«...никогда и нигде не видел столь образцового порядка, столь дисциплинированной и проникнутой сознанием долга команды, каковою я видел маленькую команду анадырских казаков»* [21, с. 42]. В 1914 году Б. Горовский встретил на Ново-Мариинском посту казаков, которых, по его мнению, набирали из обрусевших камчадалов. *«Это очень низкорослый, неуклюжий народ, на вид очень слабенький. Придумали им форму с красными погонами, они крайне гордятся этим. Функции они исполняют самые разнообразные: изображают собою местное войско, вооруженное кто – дробовиком, кто – берданкою, полицию сухопутную и морскую (в их распоряжении шлюпки); на посту имеется метеорологическая наблюдательная будка – “казаки” ведут наблюдения, местная “почтовая контора” обслуживается ими же»* [5, с. 18].

В. Г. Богораз писал, что жизнь казаков на посту Ново-Мариинском была достаточно тяжелой, и в качестве примера приводил их жалобы: *«Мы не знали ничего об этой проклятой земле, нас посылали усиленно, против воли. Покинем наши семьи на Камчатке и поедem об Анадырь. Так вот, когда придется особенно тяжело, какой-нибудь (казак – авт.) хлопнется об землю и на голос зовет: “Мамонька моя, зачем ты меня родила, на экую стужу и нужу, разнесчастные мы!”»* [2, с. 60-61].

Учитывая то, что Ново-Мариинск был летней резиденцией начальника округа, а зимой он переезжал в Марково, казаки были разделены между этими населенными пунктами [13, с. 189; 17, д. 285, л. 15]. Начальник Анадырской округа Н. П. Сокольников в 1901 году писал военному губернатору Приморской области о занятиях казаков: *«Вся администрация состоит из меня, помощника моего и 9 казаков, из которых 4 зимуют в Марково, сопровождая почту, неся полицейскую службу и работы по ремонту баржи и лодок, остальные 5 зимуют на Ново-Мариинском посту, где сами заготавливают дрова и исполняют все работы по ремонту построек, охраняют казенные склады и прочее имущество, производя при этом немало разных*

хозяйственных работ» [17, д. 313, л. 10]. П. Ф. Унтербергер в 1900 году описывал Ново-Мариинских казаков и их обязанности так: *«Одежду старинного образца казаки имеют собственную, а оружие – от казны. На обязанности казаков лежит вся полицейская служба, охрана казенных магазинов, сопровождение почты и всякие другие поручения, которые на них возлагаются ближайшим их начальством»* [25, с. 43]. В частности, после организации казенных экономических складов на постах казаки вместе с окружным начальником принимали участие в обеспечении склада товарами и обмене этих товаров на пушнину у коренного населения [17, д. 869, л. 2].

На посту Ново-Мариинском казаки размещались вместе с семьями в казарме, а в Марково же они жили в домах [15, с. 166; 21, с. 51-52]. Распорядок дня ново-мариинских казаков при Н. Л. Гондатти был следующим: подъем в 6 утра, в 6:30 – утренний чай, завтрак, в 7 часов – молитва, которую они пели хором. После молитвы старший в команде казаков шел с рапортом к окружному начальнику. В течение дня казаки занимались сбором дров, охраной казенного склада; в период навигации участвовали в разгрузке парохода. В течение дня в казарму к казакам приходили чукчи пить чай. Вечер начинался также с коллективной молитвы, за которой следовал вечерний рапорт старшего казака [21, с. 69, 74]. Один раз в год или раз в два года казаки менялись – отслужившие уезжали на пароходе, фрахтуемом на казенные средства, обратно в г. Петропавловск, на их место приезжали другие [21, с. 41; 25, с. 28].

Современники, побывавшие на посту Ново-Мариинском и в п. Марково в конце XIX – начале XX в., свидетельствовали, что казаки были активно втянуты в торговлю, причем они торговали как через казенный экономический склад – в интересах государства, так и самостоятельно – для частной выгоды. Например, Н. Ф. Калинин в 1912 году писал: *«На посту Ново-Мариинском торговля... держится всю зиму. Там оперирует отделение экономического склада, и некоторые казаки ведут торговые сделки, как с береговыми чукчами, так и с кочевыми»* [13, с. 196].

Казаки, часть своего пайка, выдаваемого им мукой, либо уже выпеченным из этой муки хлебом, выменивали у коренного населения на оленьё мясо. Также на свое жалование они нередко выписывали из г. Владивостока кирпичный чай, который, кроме внутреннего потребления, использовался для обмена с чукчами. По словам А. В. Олсуфьева, казаки нашли выгодным заниматься торговлей с помощью получаемого ими содержания. С помощью годового кредита, выдаваемого торговым домом Кунст и Альберст на посту Ново-Мариинском, казаки заказывали необходимые им товары через Камчатское окружное управление и Областное управление во Владивостоке. Из товаров они выписывали в основном чай и табак – продукты, на которые у коренного населения был особый спрос. На эти продукты казаки выменивали пушнину (шкуры лисиц и песцов) и ежегодно при помощи камчатского окружного начальника или его помощника, приезжающих на военном крейсере в Ново-Мариинск, отсылали эту пушнину в г. Петропавловск. Полученные за пушнину средства частично использовались для обеспечения семьи, частично шли на приобретение нового товара и выплату предыдущего торгового кредита [15, с. 171].

Есть свидетельства, что казаки выступали в роли торговых агентов купцов. Так, А. В. Олсуфьев в 1896 году писал: *«Купец Борисов не может обойтись без деятельного участия казаков, так как сам не имеет на этом пункте (посту Ново-Мариинск – авт.) ни помещения, ни людей для торговли, ни необходимой нарты для развозов по чукчам»* [Там же, с. 173].

На других постах, расположенных по побережью Чукотского полуострова, казаки впервые появились в 1900 году. По распоряжению Приамурского генерал-губернатора 5 камчатских казаков были откомандированы вместе с геологоразведочной экспедицией К. И. Богдановича [1, с. 44; 9, с. 18], однако осенью они уехали. Со времени деятельности на Чукотке Северо-Восточного Сибирского общества (1902 г.) казаки стали постоянно нести службу на мысе Дежнева, в заливе Лаврентия и в бухте Провидения. Один-два казака в течение всего года проживали на факториях Общества. Изначально казаки были привезены для охраны порядка среди старателей и обязаны были нести весь комплекс функций по охране собственности Северо-Восточного Сибирского общества, представлению государственных интересов и призваны были оградить территорию от посягательства американских золотодобытчиков с Аляски, пытающихся незаконно проникнуть на полуостров [16, д. 1979, л. 145]. Обеспечение этих казаков полностью было возложено на Общество – они ставились на довольствие и получали от Общества жалование в 40 рублей ежемесячно [Там же].

С 1906 года на побережье Чукотского полуострова командировались отдельные должностные лица, остававшиеся на зиму [24, с. 272], а с 1909 года, после административно-территориальных изменений и создания Чукотского уезда в бухте Провидения на одной из факторий Северо-Восточного Сибирского общества стала размещаться резиденция Чукотского уездного начальника. Казаки с этого времени находились под его командованием и содержались за счет казны [17, д. 529, л. 19, 54; 18, д. 278, л. 1-3].

Сохранились сведения об отдельных служилых казаках, в разное время проживавших на побережье, интересные для восстановления их быта, нравов и образа жизни. В 1904-1906 гг. на факториях Северо-Восточного Сибирского общества несли службу Всеволод Третьяков (пост в заливе Лаврентия), Иннокентий Кошкарлов (пост в бухте Провидения) и Михаил Львов (пост на мысе Дежнева) [17, д. 529, л. 15; 23, с. 19, 41-45, 52]. Капитан Белугин так описывал Всеволода Третьякова, которого он встретил в 1906 году: *«Разжиревший на хлебах Северо-Восточного Сибирского общества, он, по-видимому, страшно обленился; все его движения, речь и, наконец, выполнение порученного не только носили на себе отпечаток лени, но прямо преисполнены были ею. О дисциплине не могло быть и речи: он отродясь понятия о ней не имел»* [17, д. 529, л. 20]. Несмотря на обширный комплекс обязанностей, реально осуществлять охрану территории

казаки не могли¹. Например, Ч. Мэдсон описал случай, когда казак, объявивший американцам, что арестовывает их за продажу коренным жителям виски, был за это ранен из револьвера и выброшен за борт [27, р. 117]. Флигель-адъютант Вилькицкий описывал случай, произошедший в 1913 году, когда путешествовавший на американской шхуне сын русского еврея Лео Виттенберг, обменивающий у чукчей пушнину на спирт, напал на стражника Сотникова, когда тот прибыл осмотреть судно, обезоружил его, ранил из ружья, выбросил за борт в море и не позволял чукчам оказать ему помощь [17, д. 275, л. 17].

Курьезный случай, свидетельствующий о невозможности исполнения казаками своих полицейских функций, произошел в бухте Провидения. Один американский торговец, решивший обманом пополнить запасы алкоголя, предъявил казаку, служившему на посту Северо-Восточного Сибирского общества в бухте Провидения, документы, выданные якобы российским правительством и свидетельствующие о праве арестовывать и изымать спиртные напитки, незаконно хранящиеся на Чукотском полуострове. Из-за неграмотности казака и незнания служащими Общества русского языка, виски, хранившееся на посту, было конфисковано американцем и перевезено им на свою торговую шхуну. Ситуация прояснилась после ареста американской шхуны командующим российским сторожевым судном [17, д. 529, л. 54; 27, р. 101-106].

Пресечение «спайвания» коренных жителей американцами было одной из функций, возложенных на служилых казаков начальником Анадырской округи. Однако, проживая в непосредственной близости с коренным населением и наблюдая за торговыми взаимоотношениями между жителями полуострова и американскими торговцами, они понимали, что алкоголь является неотъемлемой частью этих взаимоотношений и спрос на него у чукчей и эскимосов очень высок. Так, К. Тульчинский стал свидетелем разговора казака и русского рабочего. На вопрос рабочего, как торговали зимой, казак ответил: *«Торговля Общества шла хорошо, только вот не хватало спирта, осталось у чукчей еще много китового уса и шкур белых медведей»* [23, с. 19]. Также имелись факты вынесения начальником Анадырской округи выговоров казакам за недонесение ими о фактах продажи чукчам спиртных напитков [Там же, с. 42].

По свидетельству очевидцев, казаки и сами были склонны к пьянству и картежной игре из-за избытка свободного времени [24, с. 327]. В 1902 году даже произошел трагический случай: казак Илья Киренский покончил жизнь самоубийством в нетрезвом виде на посту Дежневском [23, с. 44].

Российские казаки невольно включались в процесс торговли, выступая иногда в роли посредников при обмене американских товаров на пушнину. К. Тульчинский, ссылаясь на рапорты Главного уполномоченного Северо-Восточного Сибирского Общества Санкт-Петербургскому правлению за 1903-1904 гг., писал, что казаки, проживающие на факториях, числились служащими Общества, и им поручались торговые операции. Они, например, занимались развозной торговлей, обменивая товары, переданные агентами Общества, на пушнину [Там же, с. 52].

Осуществлению торгово-обменных операций помогали хорошие отношения, сложившиеся у некоторых казаков с коренными жителями, понимание и принятие их обычаев, а также сожительство с местными женщинами. Так, штабс-капитан Белугин писал, что казак Всеволод Третьяков *«слишком сдружился с чукчами и даже проникся их убеждениями и взглядами настолько, что это начинало вредить службе»*. Кроме того, он имел несколько сожительниц-чукчанок. *«Чукчи на этот предмет смотрят довольно свободно и единственное неудобство сожительства с чукчанкой, что приходится содержать всю ее бесчисленную родню и, кроме того «black cat ace» («черной кошки хвост»), как говорят американцы, под которым выражением разумеют всех остальных чукчей, которые называют себя родней сожительницы, только для того, чтобы что-нибудь содрать»* [17, д. 529, л. 20]. Были также случаи официальной женитьбы казаков на представительницах коренного населения [17, д. 869, л. 19; 24, с. 283]. Как известно, брак с коренными женщинами играл важную роль в процессе организации торговли пушниной. Коренные женщины, которые выходили замуж за приезжих мужчин, вводили своих мужей-чужеземцев, в местное сообщество и были важным связующим звеном в процессе меновой торговли, которая начинала подчиняться не рыночным законам, в которых главная цель – получение прибыли, а традициям обмена, принятым между родственниками, соседями и друзьями [26, с. 13-14].

Один из казаков, служивший у Чукотского уездного начальника, барона Клейста, в 1911-1913 гг., – Андрей Елков [17, д. 869, л. 19], оставивший в последующем службу и занявшийся торговлей, также был женат на чукчанке, что положительно сказывалось на его торговых отношениях с коренным населением. Н. Галкин после встречи с А. Елковым в 1925 году оставил о нем следующие воспоминания: *«Человек он мирный, спокойный и с чукчами уживается. Чукчанку он превратил в Варвару, а мальчугана, по виду настоящего чукчонка, плоховато говорящего по-русски, как и его сестренка, называет Тимош². К семье он, видимо, очень привязан»* [4, с. 143].

А. Елков, по свидетельству источников, был торговым агентом крупного американского предпринимателя Олафа Свенсона, снабжавшего его индустриальными товарами из Сиэтла и Нома. Отношения у бывшего казака А. Елкова с О. Свенсоном были непростыми. Так, последний в 1923 году через своего другого агента Ю. Сильвермана обращался к советским властям с просьбой взыскать со своего «доверенного» А. Елкова долг [7, д. 8, л. 5, 9, 15].

¹ Об этом неоднократно писали Приамурскому генерал-губернатору в своих рапортах и отчетах должностные лица, посещавшие Чукотский полуостров.

² Сын А. Елкова – Тимофей Елков (1914-1944 гг.) – один из первых уэленских комсомольских активистов и первых летчиков-чукчей, с начала Великой Отечественной войны обслуживал особую воздушную трассу.

Торговая фактория А. Елкова располагалась в с. Лорино [6, д. 2, л. 1; 19, д. 23, л. 42]. Навыкам торговли он обучился еще в период службы у барона Клейста. Учителем в торговых делах выступал американский предприниматель, державший торговую факторию в бухте Провидения и имеющий значительный опыт торговли на Чукотском полуострове, - Юлий Томпсон [17, д. 869, л. 19]. В 1925 году, уже после установления советской власти на Чукотке, А. Елков вынужден был оставить торговлю и заняться пушным промыслом [4, с. 143].

Во внутренних районах Чукотского полуострова, в населенных пунктах по рекам Анадырь, Анюй и Колыма проживали казаки-старожилы, составлявшие большую часть русского населения этих поселений. Как правило, эта группа состояла из потомков русских казаков, в разное время переселившихся из центральных районов страны в составе казачьих войск и живущих в этой местности не одно поколение. Они были приписаны к Камчатскому и Якутскому казачьим полкам, которые, по мнению современников, в конце XIX – начале XX в. представляли по своей организации анахронизм [15, с. 166; 25, с. 43].

Казаки-старожилы западной Чукотки и Маркова составляли этнокультурную общность, интегрированную в среду коренного населения, но при этом сохранившую русские национальные черты. Как справедливо заметил А. Р. Ивонин, сибирские казаки, представляя собой субэтническое образование русского народа, сохраняли русско-христианский культурно-исторический тип, но при этом воспринимали социально-культурный опыт сопредельных народов [11, с. 41, 42].

А. П. Сильницкий в 1897 году так описывал марковских казаков: *«Северные казаки, вступая в браки с инородческими женщинами, имели детей с примесью инородческого типа, который, переходя из рода в род, сделал Марковца трудно отличаемым по лицу от чукчи и других инородцев. Но, утратив русский тип, Марковец вполне сохранил язык своих предков, их веру и обычаи; сохранил он и старинные русские песни, сказки, пословицы. Живя в течение двух веков в дебрях анадырской тундры, не имея никакого сообщения с матушкой Россией, зная о ней только по темным слухам, Марковец поет те же песни, которые поет весь русский народ...»* [21, с. 68].

Служба, начинающаяся с 16-летнего возраста, для казачьего сословия была обязательной и по возрасту не имела временных ограничений, переход в другое сословие или перевод в другое казачье войско до 1913 года был запрещен. Казаки несли полицейские обязанности, однако, помимо службы, они активно занимались рыболовством, пушным промыслом, извозом и торговлей [14, с. 77; 15, с. 166; 21, с. 68; 25, с. 44]. П. Ф. Унтербергер писал, что казаки Анадырской округи *«к службе относятся зачастую весьма вяло, о воинской дисциплине имеют весьма смутное понятие и даже не всегда достаточно владеют оружием, так что, стоя на постах при охране казенного имущества, могут быть сравниваемы лишь с обыкновенными сторожами»*. Во время заготовки рыбы, *«о чем заботится там каждый сам для себя и для своего семейства, так как купить ее трудно»*, казаки нередко оставляли посты [25, с. 44], либо нанимали чело- века *«держат пост за всю “казачью команду”»* [8, с. 77]. Путешествуя в конце 60-х гг. XIX века по Колымскому округу, барон Г. Майдель писал о проживающих там казаках: *«за ними осталось только имя казаков, но сами они очень мало отличаются от мещан и крестьян... число казаков все-таки слишком велико... чем нужно для полицейской службы, на которую теперь они исключительно употребляются. Благодаря тому, что им приходится наряжать на службу очень мало народу, она для них вовсе не обременительна, большая часть их имеет возможность заниматься своими делами, подобно крестьянам и мещанам»* [14, с. 77].

Интересные данные о быте и экономике колымских казаков можно получить из записей В. Г. Богораза, производившего хозяйственную перепись населения в районах Колымы, Анюя, Баранова мыса в 1895 г. Так, например, в семье казака Попова имелся полный набор рыболовных снастей, ружье, ездовые собаки, капканы для ловли пушного зверя - *«400 пастей лисьих, две кулемы»*. Добытая рыба шла на еду и на продажу - *«500 сельдей продает за 5 рублей»*. Отец казака занимался извозом – возил купеческую кладь в оленеводческие стойбища по р. Омолон. Оплату за извоз частично получал чаем и табаком, которые наряду с употреблением внутри семьи использовались для обмена с коренными жителями на продукцию их традиционного хозяйства [20, д. 111, л. 152].

Экономическое отличие этой группы населения от остальных жителей заключалось в получении ими продуктового пайка и денежного жалования. Продуктовый паек казака включал два пуда¹ ржаной муки в месяц, сыновья казаков до начала службы получали половинный паек [8, с. 14; 10, с. 90-91]. Мука играла важную роль в экономике казачьей семьи, так как являлась дефицитным продуктом в описываемой местности. Мучные изделия считались на крайнем северо-востоке *«лакомством, которое можно позволить себе разве при случае»* [14, с. 75]. А. В. Олсуфьев писал, что марковские казаки половину своего пайка продавали коренным жителям, тем самым приучая местное население к хлебной пище [15, с. 166]. Мука и хлеб активно использовались казаками в меновой торговле с чукчами.

Спрос на муку был и у купцов, которые пекли из нее хлеб и брали его в качестве подарков в торговых поездках к коренным жителям. Барон Г. Майдель свидетельствовал, что казаки, *«получающие в числе провианта и муку, пользуются такого рода обстоятельством, сами ее не едят, а продают с большой выгодой богатым купцам или приезжим из Якутска, привыкшим к хлебу»* [14, с. 75]. По информации Дионео, купцы закупали пайки по три рубля за пуд на целый год вперед [8, с. 14].

¹ 1 пуд равен 16,38 кг.

Экономическое значение продуктового пайка в казацкой семье можно оценить по социальным отношениям, сложившимся в описываемом обществе [2, с. 60-61]. *«Рождение каждого казаченка ведет за собой увеличение благосостояния семьи... Забеременевшая девушка-казачка не имеет отбоя от женихов, тут своего рода лотерея, до которой так падки колымчане: может родиться паек (по закону незаконнорожденные приписываются тоже к казачьему сословию, если к нему принадлежит мать). Если супруги-казаки детей не имеют, муж отдает свою жену казаку, у которого родилось несколько пайков. В случае, если родится мальчик, счастливый муж отдает сотруднику полпайка за целый год. Это явление вполне заурядно»* [Там же].

Жалование, получаемое казаками в денежном выражении, также определенным образом сказывалось на экономическом поведении казаков. Дело в том, что деньги играли очень небольшую роль в экономике населения, проживающего на крайнем северо-востоке в указанный период времени. Практически вся торговля была меновой. Даже купцы старались брать взамен своих товаров не деньги, а продукты промысла [10, с. 52-53]. Деньги можно было использовать только для покупки индустриальных товаров и продуктов в казенном складе, либо для приобретения товара у крупных купцов, приезжающих из городов.

Основные продукты питания, такие, как, оленье мясо, рыбу, а также одежду и обувь, приспособленные для природно-климатических условий крайнего северо-востока, казаки могли приобрести только у коренных жителей. Для этого они покупали у купцов за деньги товары – чай, табак, изделия из железа, ткань и пр. – и выменивали их на необходимые продукты традиционного хозяйства оленеводов и рыбаков. При этом стоимость товара в денежном выражении не всегда совпадала со стоимостью вымениваемых продуктов. Так, один гижигинский казак платил инородцу за кухлянку две иголки и полкирпича чая [22, с. 676]. Таким образом, казаки оказывались невольно втянутыми в торговые отношения с коренным населением, подчинялись обычаям этих отношений и приобретали навыки меновой торговли. Часть казаков занималась торговой деятельностью не только в целях обеспечения семьи необходимыми продуктами и одеждой, но и для получения прибыли.

А. В. Олсуфьев считал, что *«нельзя и обвинять их (казаков – авт.), что, пользуясь полной бесконтрольностью, они заводят торговлю с инородцами, которая все более расширяясь, приносит небольшое материальное обеспечение их семействам»* [15, с. 167]. По словам Н. В. Слюнина, посетившего Охотско-Камчатский край в самом конце XIX века, казаки окружных пунктов зимой занимались развозным промыслом. Товар ими приобретался за наличные (на сумму 40-50 рублей), либо в кредит у торговца, которому казак потом обязывался сдать пушнину [22, с. 676]. Барон Г. Майдель писал, что колымские казаки помимо рыбной ловли занимаются торговлей с чукчами. Причем казаки, по его словам, *«часто играют роль посредников между этими последними и купцами, приезжающими из Якутска всего раз в году»* [14, с. 77].

В источниках имеются отдельные примеры организации казаками торговли. Так, один гижигинский казак по фамилии Красовский в конце XIX века проделывал путь в 800 верст (более 850 км – авт.) до Анюйской ярмарки специально, чтобы приобрести спирт, который играл важную роль в торговле с коренным населением. Выменяв на ярмарке одно ведро спирта на пушнину стоимостью более 120 рублей, этот казак использовал его в последующем для ведения менового торга [15, с. 46].

Взаимоотношения казаков с русскими купцами не ограничивались посреднической ролью первых. Имелись случаи, когда купцы использовали казаков, назначенных для наблюдения за торговлей и недопущением продажи инородцам алкоголя в процессе непосредственной торговли. В. М. Зензинов приводил пример, когда зимой 1912-1913 гг. купцы из п. Булун и п. Усть-Ян брали с собой казаков в торговые разъезды по тундре. *«При этом они (купцы – авт.) настояли, чтобы казак был одет в форму и был при винтовке. Приехав в кочевье, они усаживали казака на почетное место, и он, авторитетом своей формы, помогал купцам собирать самые безнадежные долги – “вот видишь, приходится через полицию взыскивать”. В дороге же казаки играли у купцов роль бесплатных работников»* [10, с. 90-91].

Чукотские казаки представляли собой особую группу людей, включенных в торговые взаимоотношения. Формально они должны были выступать регуляторами этих отношений, однако реально торговля происходила по своим законам, основанным на взаимной выгоде, удовлетворении потребностей каждой стороны и в соответствии со сложившимися традициями. Под влиянием особых условий крайнего Северо-Востока, изолированности территории, культурной и хозяйственной близости с коренным населением трансформировалось экономическое поведение казаков. Несение службы для них нередко было не основным занятием, а вспомогательным, а жалование и мучной паек использовались как капитал в предпринимательской деятельности.

Микрогруппы казаков, проживающих на посту Ново-Мариинском, поселке Марково, постах по побережью Чукотского полуострова и в поселениях по рекам Анюю и Колыме на западе Чукотки, несомненно, отличались как по условиям проживания, так и по характеру службы. Если одни были явными «чужаками», пытающимися временно приспособиться к среде, другие составляли старожильческую группу, культурно интегрированную в местное сообщество. И те, и другие, находясь в окружении изначально чуждой для них культуры, но принимая ее, заняли свое определенное место в локальном социальном, культурном и экономическом пространствах. В частности, в торговле, они выступали в роли торговых агентов, посредников – связующего звена между профессиональными торговцами – поставщиками индустриальных товаров и коренными жителями – поставщиками пушнины. При этом, будучи последним звеном в цепочке торговых взаимоотношений и непосредственно контактируя с коренными жителями, казаки вынуждены были соблюдать их торговые традиции, зачастую далекие от понятия рациональности.

Список литературы

1. Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб.: Типография Суворина, 1901.
2. Богораз В. Г. Чукчи: социальная организация. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 216 с.
3. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. - Л.: Наука, 1965. 403 с.
4. Галкин Н. В земле полуночного солнца. М. - Л.: Молодая Гвардия, 1931.
5. Горовский Б. (Подгурский Б. К.) Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка. Путевые очерки. СПб., 1914.
6. Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-1. Оп. 1.
7. ГА ЧАО. Ф. Р-191. Оп. 1.
8. Дионео. На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895. 282 с.
9. Забытая окраина: результаты двух экспедиций на Чукотский полуостров (1900–1901 гг.), снаряженных В. М. Вонлярляским. СПб., 1902.
10. Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области. М.: Наука, 1916. 97 с.
11. Ивонин А. Р. Казаки на Сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: РИПЭЛ-плюс, 2003. Вып. 3. С. 41–51.
12. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. Н. Дикова. М.: Мысль, 1989. 492 с.
13. Калинин Н. Ф. Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912. 264 с.
14. Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1894. 599 с.
15. Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономическое состояние и быт населения. СПб., 1896.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 44.
17. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1.
18. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2.
19. РГИА ДВ. Ф. 2336. Оп. 1.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб филиал Архива РАН). Ф. 250. Оп. 1.
21. Сильницкий А. П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь // Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Хабаровск, 1897. Т. II. Вып. III.
22. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1900. Т. I.
23. Тульчинский К. Н. Отчет о командировке на Чукотский п-ов. СПб., 1906.
24. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк. СПб.: Типография В. Ф. Киришбаума, 1912.
25. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1900.
26. Ярзуткина А. А. К вопросу о «спаивании» американцами коренного населения Чукотского полуострова в конце XIX – начале XX века // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. № 1. С. 11–14.
27. Madsen Ch., Douglas J. S. Arctic Trader. Brattleboro: George McKibben & Son, 1957.

**COSSACKS IN CHUKCHI PENINSULA AT THE END OF THE XIXTH –
THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY AND THEIR ROLE IN TRADE:
HISTORICAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT**

Anastasiya Alekseevna Yarzutkina, Ph. D. in History
*Laboratory of Chukchi Peninsula Complex Study
North-East Complex Research Institute
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
jartzut@mail.ru*

The author presents the historical-anthropological research of Cossacks micro-groups, who lived in different places of Chukchi Peninsula at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century, reconstructs some features of life and the way of life of those Cossacks, who temporarily served in the peninsula, and Cossack class representatives, who permanently lived in Chukchi Peninsula and were culturally integrated into local community, also analyzes the economic behaviour of Chukchi Cossacks, estimates their role in trade interrelations with indigenous population, and comes to the conclusion that the special conditions of the Far North-East including the need for the use of arctic peoples' cultural-economic experience in order to survive in severe conditions influenced the transformation of their economic behaviour and were one of the reasons of Cossacks involvement in trade.

Key words and phrases: historical anthropology; Cossacks; Chukchi Peninsula; trade interrelations; micro-groups economics.